

ПРОБЛЕМЫ ЖАНРОВОГО РАЗВИТИЯ ЛИТЕРАТУРЫ В НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ И. А. ДЕРГАЧЕВА*

I

В предисловии к библиографии трудов Ивана Алексеевича Дергачева, написанном Г. К. Щенниковым и И. И. Степановой, И. А. Дергачев назван «лидером уральской школы литературоведения и литературной критики, признанным мастером — исследователем русской литературы XIX века» [1, с. 9]. И это действительно так: по его инициативе и под его редакторством с 1967 по 1982 г. выходили кафедральные литературоведческие сборники «Русская литература 1870–1890 гг.», с середины 1980-х гг. менявшие свои заглавия, но сохранявшие свою солидность и авторитетность в научных кругах бывшего Советского Союза. Одно из заглавий этих сборников — «Модификации художественных систем», что имеет прямое отношение к обозначенной нами теме.

Как известно, И. А. Дергачеву принадлежит цикл работ и монография о творчестве Д. Н. Мамина-Сибиряка, а также незавершенная книга о Ф. М. Решетникове. Проблема жанра повествовательной прозы в большинстве из них не является центральной, хотя и в связи с Решетниковым, и в связи с Маминым И. А. Дергачев неоднократно выходил на исследование жанровых стратегий развития отечественной литературы второй половины и конца XIX в., а также на практику жанрового анализа.

Пожалуй, основной особенностью исследовательского письма И. А. Дергачева была его чрезвычайная, почти осязаемая плотность и сгущенность, концентрированность текста: одной фразой Иван Алексеевич умел сказать сразу о многом, объединить разные черты изучаемого материала в единое структурное целое и тут же выявить закон существования и движения этого целого. Законы развития литературы — а именно они были предметом тайного внимания и интереса ученого — выявлялись им из сопряжения многих факторов, воздействующих на процесс ее порождения и функционирования. Любая художественная форма исследовалась в литературном контексте — через обрисовку издательской практики, запросов читательской аудитории, политики журналов, с одной стороны, а с другой — в четкой ориентации на предметную жизнь и социально-бытовую, природно-стихийную, одним словом, материальной среды, отображаемой в произведениях писателей. В статьях И. А. Дергачева литература предстает как дискурс — событие долговременного высказывания, выражающего себя и

* Исследование выполнено в рамках интеграционного проекта УрО — СО РАН «Эволюция жанров в русской литературе XVII–XX вв. и региональные традиции Урала и Сибири».

через себя — жизнь. Явления действительной жизни «окликают» литературу и показывают себя в ней, а литература эксплицируется как сложно построенный организм, многоуровневая система связей и не прямых отношений с реальностью, которые имеют свои законы развития, подчас корректирующие «отражательные» способности и функции литературного слова и текста. Одним из таких законов и механизмов развития искусства, имеющих, по видимости, автономный характер, и выступает закон (механизм) развития и работы жанра.

Жанр рассматривается И. А. Дергачевым как живое, динамическое явление, автономизация которого от прочих уровней бытия и анализа литературной системы все же весьма относительна. Детерминация жанра двояка: «изнутри» он определяется концепцией человека (антропологической и социальной моделью личности), «извне» — развитием *метода* как определенного типа репрезентации отношений человека с миром, осуществляемого литературой и в литературе. Опыты романистов последней трети XIX в., писал И. А. Дергачев в статье «Динамика повествовательных жанров» (1976), «убедительно свидетельствует, что закон подвижности романного жанра, его постоянной жизнеспособности и обновления отнюдь не осуществляется фатально, на основе имманентных свойств и качеств, делающих структуру саморазвивающейся. Открытия в области жанра порождаются открытиями в постижении жизни, в способах ее художественного освоения, сдвигами в развитии принципов реалистического художественного метода. Если этого нет, то романисты обречены давать знания о жизни, не давая нового ключа к истинному постижению ее, к проникновению в “подтекст” этих знаний» [2, с. 210–211].

Об упомянутой статье И. А. Дергачева следует сказать особо, ибо она представляет собой опыт концептуального анализа самой толщи литературного процесса 1870–1890-х гг., а по существу — конспект развития русской литературы на протяжении всего века. Ее смысл и сверхзадача — проследывание того, как в отечественной прозе второй половины столетия складывается принципиально новая модель жанровой системы, законом которой, по мысли Дергачева, является переструктуризация всех элементов этой системы во взаимодействии с развитием художественного сознания, объективирующегося в динамике литературных (в том числе и жанровых) форм, в меняющейся стратегии самого литературного, повествовательного письма. Идеи, рассыпанные ученым на страницах этой блестящей и крайне лаконичной статьи, опубликованной в 1976 г., а ранее тезисно представленной на Томской конференции 1975 г., питали не одно поколение ученых: достаточно упомянуть В. Я. Гречнев (Русский рассказ конца XIX–XX в. (проблематика и поэтика жанра). Л., 1979), Е. Н. Эртнер, чья кандидатская диссертация возникла на гребне интереса И. А. Дергачева к контаминациям малых жанровых форм в областной и региональной литературе конца века, работы Е. К. Созиной, а также поименно не называемых, не поддающихся исчислению студентов и аспирантов, занимающихся на проблемных группах Ивана Алексеевича. Попробую обозначить некоторые узлы — контра-

пункты аналитической мысли исследователя, центральные в этой работе и показавшие свою проективность впоследствии.

И. А. Дергачев подвергает критике известные тезисы М. М. Бахтина о романе как принципиально динамическом жанре, не способном «стабилизироваться, отливаться в завершенную жанровую содержательную форму», ибо положения эти, «верные для больших отрезков исторического времени и для вершинных явлений культуры, недостаточно актуальны для ряда конкретных периодов развития национальной или даже мировой литературы» [2, с. 211]. Основанием служит явление «кризиса романа», устанавливаемое Дергачевым как эмпирически — из обобщающего анализа огромного массива русской романистики последней трети XIX в., так и косвенным путем — через дискурсию критических отзывов современников той эпохи. Само понятие «кризис романа», характеризующее положение романной формы в конце позапрошлого столетия, И. А. Дергачев делает релевантным в науке, оно и разрушает стройность бахтинской теории романа. Представляется, что эти выводы Дергачева еще недостаточно оценены отечественным литературоведением, хотя именно они, вероятно, и спровоцировали развитие теории жанра в работах последующих екатеринбургских ученых.

Во-вторых, отметим еще одну постоянную черту работ уральского ученого — опору на произведения так называемых «второстепенных» писателей, беллетристов 1880–1890-х гг. — литературного периода, наиболее занимавшего его мысль в последние годы жизни. Именно в «низовой», массовой (не по качеству, а по количеству дарований) литературе, как неоднократно подчеркивал И. А. Дергачев, и созревали новые тенденции ее развития, ставшие затем отправной точкой для вершин, и в ней же, как в питательной среде, оттачивались, доводились до стадии «ремесла» художественные открытия гениев, сделанные прежде. Эти два встречных потока, на взаимодействии которых и существует беллетристика, в статье Ивана Алексеевича подвергаются анализу далее и проецируются на жанр романа.

Ученый выделяет традиционный для XIX в. тип романной структуры, получивший свою классическую форму в произведениях Тургенева (хотя можно добавить сюда и Гончарова, и Герцена) и стандартизовавшийся в 1870–1890-е гг. Он дает ему описательное определение: это роман, «в котором центральное место в жизненной ориентации личности отводится интеллекту и признается решающая роль разума в надлежащем устройстве жизни общества и человека» [Там же]. По существу, речь идет о «персональном романе» — название, утвердившееся в сегодняшнем литературоведении, или о романе «идеологическом», если привлечь сюда исследования о романе Достоевского. Ядерной зоной «тургеньевского романа» (такова номинация И. А. Дергачева) «стала концепция личности, восходящая к гегелевскому пониманию человека, отождествляемого с самосознанием. <...> Сущность индивида сводится “к сознанию и самосознанию”» [Там же, с. 212]. Этот тезис И. А. Дергачева кажется мне чрезвычайно важным, он позволяет правильно понять многие процессы, наблюдаемые в русской литературе всего XIX в. В эпоху позитивизма, начинающуюся у нас примерно с конца

1840-х гг., отринутый интеллигенцией, «обмирщенный» Гегель продолжал жить в жанровом дискурсе «персонального» русского романа, а следовательно, рационализирующая жизненный поток гегелевская философия была той матрицей, по которой собирали себя русские интеллигенты — знаменитые «русские мальчики» и тургеневские девушки, торопясь изменить и построить заново жизненный хаос.

Говоря далее о кризисе выделенной романной структуры гегелевско-тургеневского типа, ставшей массовым достоянием беллетристики, ученый характеризует смену парадигм художественного сознания, а впрочем, и сознания «вообще», если вспомнить о том широком философском контексте, который им привлекается по ходу рассуждений. Стоит сказать, что главным объектом внимания И. А. Дергачева является развитие именно художественного сознания, и в своих работах он предстает отнюдь не позитивистом, а ученым с хорошо дисциплинированным интеллектом немецкой школы. Ныне принято говорить о замене парадигмы классического сознания на неклассическое, постклассическое, или модернистское, креацианистской модели на рецептивную, когда литература выстраивается как поле разнообразных дискурсивных практик, в режиме напряженного, подчас полемического диалога с читателем. Именно эту панораму развития литературного процесса рубежа веков широкими мазками набрасывает И. А. Дергачев.

Далее, пытаясь представить рождение и произрастание новой романной концепции, Дергачев опирается на произведения Ф. М. Решетникова, роман которого он описывает в нескольких параметрах. Во-первых, у Решетникова, как писал И. А. Дергачев, «получило выражение новое понимание человека — антропологическое, материалистическое, хотя и с оттенком позитивизма» [2, с. 215]. Решетников был здесь не одинок: отметим, что постгегельянская, новорационалистическая, или позитивистская, модель человека находит зримое и массовое воплощение в литературе уже к 60-м гг., ее теоретическое, а также художественное обоснование на рубеже 1850–1860-х гг. дал Чернышевский. По сути, эта прагматическая в своей основе версия антропологизма имела характер бихевиористской модели. И. А. Дергачев пояснял, что «в романе Решетникова человек определяется его реакцией на действительность» [Там же], — а это и есть бихевиоризм, работающий по схеме «стимул — реакция». Эта модель в модификациях форм классического реализма XIX в. не была единственной, но она создавала гносеологическую утопию возможности познания реальности и вероятности победы человека над случаем — злейшим «врагом» шестидесятников; мифологизация случая и случайности будет происходить в литературе и философии в рубежную эпоху.

Во-вторых, И. А. Дергачев указывал, что «Решетников создает героя, который не только состоит в действительной среде своего существования, но и непрерывно становится в той мере, в какой накапливает опыт социальных контактов, столкновений, конфликтов. Предметом романа является не столько лицо, сколько процесс жизнедеятельности, коллективный опыт отношений к жизни» [2, с. 215]. Иначе говоря, расширяется само понятие литературы о «среде» — в первую очередь это социальные и экономические

условия жизни, влияющие на личность опосредованно — через «процесс жизнедеятельности» и «коллективный опыт отношений к жизни». Поэтому героем Решетникова «является целая народная среда» [2, с. 215], а отсюда уже недалеко до формулы В. Г. Короленко «открыть значение личности на почве значения масс» и до опыта романа эпохи соцреализма. Социально-психологическая и социально-экономическая детерминация личности и «коллектива» — своего рода дискурс власти общества над индивидом — становится предметом художественного анализа в социальном и социологическом романе 80–90-х гг., получившем развитие в творчестве Д. Н. Мамина-Сибиряка, П. Д. Боборыкина, отчасти поздних народников. Именно поэтому И. А. Дергачев полагал, что говорить о развитии в русской литературе последних десятилетий XIX в. *натуралистического романа* нет оснований: это реалистические романы, в которых на первое место выходит анализ социально-материальной практики людей, формирующей их индивидуальность. В статье, пошедшей в сборник Ленинградского университета 1984 г., Л. А. Иезуитова использовала положения И. А. Дергачева для обоснования своей концепции так называемого «натуралистического романа» трех авторов конца века — Боборыкина, Мамина-Сибиряка и Амфитеатрова [см.: 3], причем она цитировала статьи Дергачева далеко не всегда с достаточной степенью корректности, что отмечал он сам.

Наконец, в-третьих, «новым и значительным в решетниковском реализме является также отсутствие такого универсального сознания, которое оценивало бы и группировало все явления, приводя их в систему. Авторское сознание в романе принципиально равнозначно сознанию любого действующего лица» [2, с. 215]. Собственно, это и есть зачатки диалогизма, который обычно находят у Достоевского: его полифонический роман формировался в условиях настойчивого педалирования литературой повествовательной и речевой полифонии, Достоевский переводил ее в полифонию сознаний. И хотя И. А. Дергачев справедливо подчеркивал, что роман Достоевского в литературе того периода стоит особняком, ход его анализа выводил на внутренние связи между структурой романного слова Достоевского и современной ему литературы.

Таким образом, И. А. Дергачев сформулировал законы оформляющего действительность нового романного целого — той версии реалистического романа, что, будучи продуцирована Решетниковым, граничила с очерковой моделью действительности и явилась жанровообразующей формой для литературы XX в. Понятно, что эта романная модель, в 60-е гг. выставшая из бихевиористской психологии личности, не могла сложиться в традиционной (дворянской) литературе, для нее понадобились авторы-маргиналы, пришедшие в литературу из принципиально неэстетической среды, т. е. из практики жизни и преимущественно трудовой деятельности. Эта формация писателей накопила свой эстетический и культурный опыт лишь к 60-м гг., тогда она и объективировала его в новой поэтике художественного. Однако значительно позже, в первой половине XX в., опыт этой третьей, «маргинальной» для XIX в. романной версии классического реализма кристалли-

зуется в новую концепцию романа — от спонтанной полифонии жизни, проявляющей и выражающей себя через сознание художника, у Б. Л. Пастернака до концепции «человека-народа» у М. А. Шолохова.

Закон движения жанровых форм, устанавливаемых И. А. Дергачевым, предполагает их постоянную динамику и смещение границ, взаимодействие зон их влияния друг на друга. В процессе развития литературы одни жанры, релевантные для предыдущей эпохи, отходят на периферию, и на их место выдвигаются другие, обновляющие действующие на те, что чуть раньше были в позиции центральных. Для массовой, второразрядной, а также «областной» литературы это особенно характерно. Думается, что примерно так можно прочитать общую схему развития жанровой системы в понимании ее И. А. Дергачевым.

II

Поставленная И. А. Дергачевым в его капитальных исследованиях по общерусскому литературному процессу 1870–1890-х гг., а также по уральской (региональной) литературе (творчество Д. Н. Мамина-Сибиряка и Ф. М. Решетникова) проблема *динамики повествовательных жанров* — взятая как в теоретическом, так и историко-литературном отношении — хорошо известна нам по статьям и книгам ученого. Менее известна другая сторона научно-педагогического наследия Ивана Алексеевича — его работа по организации учебных лекционных курсов и университетских семинаров, руководство проблемной группой кафедры, та сторона, которая в контексте интересующей нас жанровой проблематики не менее значима и, более того, достойна стать предметом специального осмысления.

Приведем полемически оценочное суждение самого Ивана Алексеевича, высказанное им в канун семидесятилетия: «Моя жизнь, — писал И. А. Дергачев, — оказалась, в силу многих объективных обстоятельств, “пестрой”, недостаточно целеустремленной. <...> Только с 56-го г. (имеется в виду начало постоянной работы ученого в Уральском государственном университете. — О. З., Е. С.) я смог более или менее заняться литературоведением, да и то для себя, между критикой и историей литературы» [1, с. 14–15]. Оттолкнувшись от этого высказывания, в общем оценочно-пристрастного, нам бы хотелось подвергнуть его вполне заслуженному опровержению.

Напомним, что любимый учебно-лекционный курс профессора Дергачева — «История русской литературы XIX века (первая треть)». Основу этой учебной дисциплины составляет содержание «золотого века» русской поэзии — от Жуковского до Лермонтова. Отсюда и вполне обоснованный интерес Ивана Алексеевича (как ученого, лектора и педагога в первую очередь) к проблемам лирической поэзии, к вопросам поэтики отдельных стихотворных жанров. Обусловлено это и выбором темы первой диссертационной работы, так и не представленной к защите, но во многом инспирированной учебой Дергачева в Пермском государственном университете, в семинарах известного филолога В. В. Гиппиуса: тема предполагаемой диссертации — «Поэты кружка Н. Станкевича (1831–1839)». Позднее, уже работая в Ураль-

ском университете на постоянной основе, Дергачев планомерно разрабатывает целый ряд специальных курсов и семинаров по вопросам лирической поэзии: «Поэты пушкинского времени», «Поэмы М. Ю. Лермонтова», «Жанры русской лирики первой половины XIX века». Под руководством профессора Дергачева на протяжении 1970–1980-х гг. функционирует проблемная группа «Поэтика русской литературы первой половины XIX века», участники которой ныне составляют гордость уральской филологической школы: С. И. Ермоленко, Т. А. Ложкова, Н. В. Смирнова, А. В. Маркин, А. А. Алексеев, О. В. Черкезова, О. В. Зырянов, Е. Е. Приказчикова, В. А. Гудов, Л. А. Назарова, Н. В. Кабинина, М. А. Алексеева, Д. В. Жердев и др. При этом следует напомнить, что в указанные десятилетия И. А. Дергачев выступает научным руководителем целого ряда курсовых, дипломных и кандидатских сочинений, посвященных проблемам лирических жанров, являясь непреложным авторитетом в этой исследовательской области, неиссякаемым генератором научных идей, лидером целой научной школы.

Профессор И. А. Дергачев может рассматриваться как *основоположник научной школы лирического жанра в Уральском университете, в г. Екатеринбурге*. Правда, парадоксальность ситуации (своего рода ирония судьбы, что отмечал и сам Дергачев в приведенном выше пристрастном суждении) заключается в том, что в творческом наследии ученого мы не найдем ни одной опубликованной статьи или тезисов, посвященных жанровой проблематике русской лирики. Но при этом обнаруживается широкий круг учеников профессора, при жизни своего учителя или в период после его смерти представивших к защите ряд кандидатских и докторских диссертаций по проблеме лирического жанра. Все это заставляет говорить о сложившейся научной жанрологической школе профессора И. А. Дергачева.

Попытаемся очертить (пока неизбежно приблизительно) основные этапы и направления наиболее значимых исследований в области лирического жанра в Уральском университете и, шире, в г. Екатеринбурге, которые в своей хронологической последовательности проявляют логику развития жанрологической школы И. А. Дергачева.

1. Первый этап — если так можно выразиться, *инкубационный период*. Здесь ведущая роль Ивана Алексеевича неоспорима, лидерство его непрекаемо. Основная работа на этом этапе протекала в рамках проблемной группы кафедры и учебно-методического семинара «Жанры русской лирики первой половины XIX века». Для этого периода (с начала 1980-х гг.) характерна, прежде всего, открытость навстречу различным жанровым концепциям, своеобразный научный плюрализм. Исходя из самого общего определения жанра (как «типа ценностного отношения к миру» — показательно акцентировка именно аксиологической функции жанра), отстаивая приоритет историко-литературной проблематики над теоретико-литературной, Иван Алексеевич позволял себе совершенно свободно скрещивать различные методологические подходы: теорию жанров М. Бахтина и теорию русских формалистов (Б. Эйхенбаум, Ю. Тынянов, М. Петровский, В. Жирмунский и др.), генетический аспект жанровых исследований (О. Фрейден-

берг, М. Стеблин-Каменский, представители научной группы ИМЛИ во главе с С. Аверинцевым и А. Михайловым) и структуралистскую модель жанра (Ю. Лотман и др.). Дергачев учитывал достижения всех российских научных центров по изучению лирических (и — шире — литературных) жанров: опыт томской жанрологической школы (проф. А. С. Янушкевича и его учеников), теорию философского метажанра пермской исследовательницы Р. С. Спивак, системно-уровневую модель лирического жанра нижегородского ученого-пушкиниста В. А. Грехнева, теорию лирической циклизации (Л. Е. Ляпина, М. Н. Дарвин, И. В. Фоменко), а также опыт екатеринбургских жанрологов А. С. Субботина и Н. Л. Лейдермана. При этом, что особенно поражает в научно-исследовательской позиции И. А. Дергачева, — это полная свобода научного поиска, отсутствие какой-либо жесткой предустановленной логики, исследовательского (методологического) монизма.

В проблемной группе И. А. Дергачева, в его университетском семинаре идеи высокой науки совмещались с задачами вузовского образования — с путями «анализа лирического стихотворения» и осмыслением места «лирической поэзии в школе и дома» (таковы формулировки самого ученого). Одно, можно сказать, прямо предполагало и обуславливало другое: решение учебно-методических задач стимулировало и во многом предопределяло оригинальные пути научного поиска. Так закладывалась цепь непрерывной преемственности и закономерных соответствий: учебный семинар — проблемная группа — защита дипломных проектов и кандидатских диссертаций.

2. Второй этап развития научной школы (последовательно, начиная с середины 1980-х гг.) — *выход в сферу чистой науки*, озаменованный защитой кандидатских диссертаций.

Показателен, прежде всего, *содержательный диапазон* диссертационных тем, выполненных под руководством Ивана Алексеевича. Во-первых, это темы, напрямую связанные с вопросами генезиса и исторической поэтики отдельных лирических жанров. Назовем следующие работы: «Баллада Лермонтова в истории русского балладного жанра» (С. И. Ермоленко), «Шутливые поэмы Пушкина» (Н. В. Смирнова), «Жанр дидактического послания в русской литературе: поэтика и история» (А. В. Маркин).

Во-вторых, темы диссертационных работ, разрабатывающие проблемы жанровой системы как отдельного произведения («Лирическое авторское сознание в жанровой системе романа А. С. Пушкина “Евгений Онегин”» О. В. Черкезовой), так и творчества поэта в целом («Лирика В. К. Кюхельбекера: система жанров» Т. А. Ложковой).

В-третьих, темы диссертационных работ, выполненных в актуальном русле проблемы жанровой эволюции, предусматривающие осмысление механизмов трансформации канонических жанров и процессов деканонизации жанровой системы лирики. Кстати говоря, данный круг вопросов найдет отражение и в существенной конкретизации научной темы кафедры русской и зарубежной литературы Уральского университета: с 1988 г. (и во многом благодаря профессору И. А. Дергачеву) на кафедре начинает выходить но-

вый серийный сборник научных работ «Модификации художественных систем в историко-литературном процессе». В этом же русле выполнены и поздние по времени (начало — середина 1990-х гг.) кандидатские исследования: уже упоминающаяся работа А. В. Маркина и диссертация О. В. Зырянова «Роль новеллизации в развитии русской интимной лирики 1820–1860-х годов».

3. Третий этап в развитии школы, пользуясь метафорой самого Ивана Алексеевича, — это *жизнь после смерти*. Иначе говоря, развитие идей учителя в работах его учеников, защита учениками докторских диссертаций, расширение историко-литературной проблематики и теоретико-методологического поля жанрологических исследований русской лирики.

Первая докторская диссертация из стана учеников Дергачева — исследование С. И. Ермоленко «Лирика М. Ю. Лермонтова: жанровые процессы» (1996). В нем предложена уточненная теоретическая модель лирического жанра — с опорой на жанровую теорию Н. Л. Лейдермана, но основной посыл, развертывание генеральной перспективы исследования идет, конечно же, от идей Ивана Алексеевича. В работе отчетливо поставлен вопрос о трансформации традиционных жанров в контексте некоего присущего индивидуальному автору метажанрового единства. Акцент сделан не на жанровой системе, а на *жанровых процессах*, что представляется особенно показательным и симптоматичным. Это свидетельствует о смене исследовательских парадигм: в центре внимания оказывается уже не готовый жанр (или, точнее, жанровый тип), не статическая жанровая система, а сам процесс и механизм жанрообразования (в том числе и жанрового синтеза), что, естественно, потребовало обоснования динамичной концепции жанра.

Вторая докторская диссертация, выдержанная в русле научной школы проф. И. А. Дергачева, — это монография О. В. Зырянова «Эволюция жанрового сознания русской лирики: феноменологический аспект» (Екатеринбург, 2003). Предваряя основной текст исследования эпиграфом из М. М. Бахтина (ср.: «Жанр всегда и тот и не тот, всегда и стар и нов одновременно. Жанр возрождается и обновляется на каждом новом этапе развития литературы и в каждом индивидуальном произведении данного жанра. <...> Жанр — представитель творческой памяти в процессе литературного развития»), автор помещает рядом с ним и столь важное для всей работы посвящение *памяти учителя Ивана Алексеевича Дергачева*.

Третья по счету докторская диссертация, успешно защищенная весной 2006 г., — исследование Т. А. Ложковой «Система жанров в лирике декабристов». В ней в качестве магистральной идеи прослеживается связь жанровой системы поэзии декабристов и определяющего ее внутрисистемного фактора — эстетического сознания литературного направления (в данном случае гражданского, или декабристского, романтизма).

Что объединяет все вышеназванные работы? Во-первых, *взаимосвязь поставленных в них вопросов теоретической и исторической поэтики* — при главенстве поэтики исторической. По мысли И. А. Дергачева, важно не теоретизирование само по себе, а выявление закономерностей историческо-

го развития жанров (их трансформаций и модификаций), процесса их эволюции, что в конечном счете призвано обогатить наши представления о самих жанровых феноменах.

Во-вторых, цементирующим началом всех вышеназванных работ единой, как представляется, научной школы становится рассмотрение жанра *в системе основных литературоведческих категорий*: жанр — стиль — авторство (художественное сознание поэта) — творческий метод — литературное направление — эстетический модус художественности. Отдельно выскажемся на счет последнего пункта — связи жанра и эстетического модуса. Еще в проблемной группе «Поэтика русской литературы» на материале творчества Лермонтова Иван Алексеевич ставил вопрос о драматической природе лирики, о «драматическом» как эстетической категории. В современной академической науке решение данного вопроса — разграничение элегического и драматического, — насколько нам известно, предложено лишь В. И. Тюпой, но на несколько иных ценностно-теоретических основаниях.

Заглядывая в будущее, пытаюсь очертить дальнейшие пути исследования жанрового развития русской лирики и — шире — литературы, в качестве одной из насущных задач следует признать *обобщение опыта жанрологической школы*, носящей имя Ивана Алексеевича Дергачева. Так, первоочередной представляется задача составления *словаря основных жанрологических понятий*, своего рода глоссария (эта идея озвучена еще одним специалистом по вопросам лирического жанра — Б. П. Иванюком из Елецкого государственного университета). Среди словарных статей этого жанрологического словаря в обязательном порядке должны быть признаны такие, как: память жанра, жанровый архетип, жанровый тип, жанровое мышление поэта, жанровое сознание лирики, жанровое самосознание (рефлексия) поэта, жанровая система (или парадигма), индивидуальная жанровая форма, идио-жанр, жанровый стиль, жанровый модус, жанровый мотив, жанровая ситуация, эталонный текст жанровой традиции... Ряд этих терминологических понятий до сих пор остается открытым.

Примечания

1. Иван Алексеевич Дергачев (1911–1991): Библиогр. тр. Свердловск, 1991.
2. *Дергачев И. А.* Д. Н. Мамин-Сибиряк в литературном контексте второй половины XIX века. Екатеринбург, 1992.
3. *Иезуитова Л. А.* О «натуралистическом» романе в русской литературе конца XIX — начала XX в. (П. Д. Боборыкин, Д. Н. Мамин-Сибиряк, А. В. Амфитеатров) // Проблемы поэтики русского реализма XIX века. Л., 1984. С. 228–264.